

щает всякую свою связь с породившими его вещами и начинает их искажать, представлять их в ложном виде и даже прямо лгать о них.

Итак, языковой знак есть акт мысли, но живущий своей собственной жизнью, и акт отражения вещи, но опять-таки живущий своей собственной жизнью, так что этот акт способен как действительно отражать и мышление и материальную действительность, их породившие, так и в порядке их специфической интерпретации полностью их исказить и извращать.

Вообще говоря, понятие столяра — бесконечно по своему функционированию, и слово «столяр» тоже бесконечно по своему функционированию. Но сказавши *слово* «столяр», мы сосредоточились только на одном определенном типе бесконечных свойств и действий столяра и погрузили это слово в контекст языка, сразу же ограничивший эту бесконечность, но не по количеству ее бесконечных проявлений, а по типу этих проявлений.

Слово «идти» имеет свой логический смысл. Но попавши в русский язык и ставши знаком русского языка, оно, например, не может образовать имперфекта. Этот имперфект образуется совсем от другого корня и звучит «я шел».

От греческого глагола *phereō* «я несу» нельзя образовать аориста в хорошем греческом языке, а этот аорист образуется супплетивно как *ēnegsa*. И в этом греческом аористе почему-то появляется перфективное удвоение и перфективный форматив «с».

От латинского глагола с тем же корнем почему-то нельзя образовать никаких временных форм, кроме тех, которые образуются от презенса. В качестве перфекта почему-то вдруг появляется какое-то *tuli*, а вместо супина какое-то *latum*. И почему? А потому, что это не логика, а язык; и хотя *tuli* и *latum* суть акты мышления, тем не менее они образованы вовсе не от корня *fero*, т. е. имеют свое собственное происхождение и свое собственное функционирование, уже чисто языковое и притом чисто латинское.

Большинство глаголов в греческом языке имеют свои собственные формативы и для аориста и для перфекта и для будущих времен. Но значительная часть глаголов почему-то так и осталась без этих формативов глагольных времен и образовала весьма внушительную область так называемых вторых времен, которые не поддались позднейшей морфологизации со специальными формативами, а упорно остались без всяких формативов и на все времена существования греческого языка.

От множества русских глаголов можно образовать итеративные формы, от «ходить» — «хаживать», от «гулять» — «погуливать», от «читать» — «читывать», от «писать» — «пописывать», от «лежать» — «полеживать», от «сидеть» — «посиживать». Но от массы других глаголов почему-то никак нельзя образовать подобных же итеративных форм. От глагола «любить» почему-то нельзя произвести форму «любливать», от «ехать» — «езживать», от «иметь» — «имеивать», от «вести» — «повестивать», от «наблюдать» — «наблюдывать».

Бесконечно разнообразны и логически не предусматриваемы такие, например, языковые процессы, как управление глаголов. По-русски говорится «удивляться чему», по-гречески же «удивляться что» (т. е. аккузативом). По-русски «я скрыт от кого или от чего», по-гречески «я скрыт» опять с аккузативом (*lanthanō ti*). При чем тут логика? Если подходить к этому вопросу чисто логически, то логически удивление определенным образом связано с предметом удивления и никаких падежей, ни дательных, ни винительных здесь не мыслится.

Да уже тот простой факт, что одно и то же понятие в разных языках выражается по-разному, свидетельствует не просто о разнообразии звуковых наборов для обозначения данного понятия, но и о том, что слово, обозначающее в данном языке то или иное понятие, имеет свою собственную судьбу, уже не зависящую от первоначального понятия, которое